

На правах рукописи



Григорьева Мария Валерьевна

**«СЕРАПИОНОВЫ БРАТЯ» В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ К. А. ФЕДИНА:
ПРОБЛЕМА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ**

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Научный руководитель:

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов

Официальные оппоненты:

Овчаренко Алексей Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Прозорова Наталья Аркадьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, г. Санкт-Петербург

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Защита состоится **24 апреля 2025** года в **14.00** часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук **24.2.392.12** на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» по адресу: 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус XI, ауд. 515.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке имени В. А. Артисевич ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» по адресу: ул. Университетская, 42, читальный зал №3, и на официальном сайте ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского»: https://www.sgu.ru/sites/default/files/2025-01/GrigorjevaMV_diss.pdf.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент



Алтынбаева
Гульнара Монеровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Константин Александрович Федин (1892–1977) – русский советский писатель, прозаик, публицист. Значимым этапом его биографии (как личной, так и творческой) стало участие в литературной группе «Серрапионовы братья», которая была одним из ярчайших явлений культурной жизни России 1920-х годов. В этом содружестве объединились молодые прозаики и поэты с общим взглядом на писательскую работу: они считали непеременимыми условиями настоящей литературы искренность, свободу и отсутствие любой общей идеологии. В группу входили как писатели, ставшие впоследствии знаменитыми, так и те, имен которых, к сожалению, не знает современный читатель: И. А. Груздев, М. М. Зоценко, Вс. В. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. Н. Никитин, Е. Г. Полонская, М. Л. Слонимский, Н. С. Тихонов, К. А. Федин. Хотя каноническим считается именно этот состав участников, в их число можно уверенно включить и В. С. Познера, который стоял у истоков создания «Серрапионовых братьев», входил в число ее первых членов, но через несколько месяцев покинул Россию.

Воссоздание целостной картины появления и бытования литературной группы «Серрапионовы братья» не представляется возможным без исследования личных и творческих взаимоотношений между ее участниками. Фактологическая база для изучения феномена серрапионов строится, в первую очередь, на документальных материалах. В архиве К. А. Фебина сохранилось значительное количество документальных свидетельств, связанных с историей содружества. Особый интерес представляют различные типы эго-документов писателя: дневники, письма (беловые и черновые автографы), рабочие записки к воспоминаниям. Их всестороннее изучение позволяет проследить направленность авторского сознания в осмыслении значения серрапионов как в индивидуальном восприятии К. А. Фебина, так и опосредованно в истории русской литературы XX века.

В последнее время эго-документы стали объектом интереса и исследований ученых разных специальностей: лингвистов, литературоведов, историков, философов, культурологов и психологов. Подобный междисциплинарный подход находит отражение и в современном литературоведении, где анализ личных документов рассматривается как один из способов реконструкции не только картины мировоззрения определенного автора, но и самой истории литературы. Современная гуманитарная наука привлекает широкий круг источников для создания наиболее целостной картины происходящего в истории культуры. Акцент делается на исследовании аутентичных текстов – дневников, записных книжек, писем, автобиографий, автобиографических летописей, заметок, воспоминаний, мемуаров, в которых отражаются и рефлексии пишущего индивида, и специфика отдельных видов документов.

В современной теории эго-документа вопрос о подлинном «я» писателя имеет первостепенное методологическое значение и для историков литературы, и для текстологов, привлекающих для комментирования различных текстов

документальные источники. Писатель в дневниках, письмах и воспоминаниях становится не просто автором текста, но и создателем определенного рода представления собственного «эго», его трактовки и, зачастую, мифологизации.

К. А. Федин вел дневники с 1913 по 1968 годы. Считается, что текст дневников известен исследователям литературы: они были опубликованы в 1986 году в 12 томе Собрания сочинений писателя. Однако сравнительный анализ изданного текста и подлинников показывает, что публикация была произведена с большими купюрами. Причем выемки в тексте (как абзацы, так и отдельные слова и словосочетания) зачастую никак не обозначались. Можно уверенно говорить о том, что такой подход приводил не только к ограниченности в восприятии изложенного К. А. Фединым, но в некоторых местах даже к искажению смысла авторского высказывания. В меньшей степени это коснулось темы «Серрапионовых братьев», хотя, в любом случае, обращение к авторским рукописным дневникам помогает составить наиболее полное и ясное представление об авторской интенции К. А. Федина, о его осмыслении Серрапионова братства.

Эпистолярный является значительной, но наименее известной частью литературного наследия К. А. Федина. Его переписка с другими членами Серрапионова братства полностью не изучена. Из 389 писем К. А. Федина, включенных в 11 том Собрания сочинений, только 31 письмо адресовано «настоящему или бывшему серрапиону». В 2016–2018 годах вышла книга «Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века», подготовленная сотрудниками Государственного музея К. А. Федина и Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. В ней опубликована переписка К. А. Федина с Вс. В. Ивановым, М. М. Зощенко, В. С. Познером и М. Л. Слонимским. Ранее сторонними исследователями были опубликованы сохранившиеся в частных архивах письма К. А. Федина Л. Н. Лунцу и Е. Г. Полонской, цитатно представлены письма Н. Н. Никитину. Письма к другим членам группы, за редкими исключениями, пока не введены в научный оборот, но их привлечение необходимо для более полного представления и о фактической стороне деятельности серрапионов, и об отношении К. А. Федина к группе в целом и к конкретным ее участникам.

Многие члены литературной группы «Серрапионовы братья» написали воспоминания о друзьях-серрапионах: В. А. Каверин, Е. Г. Полонская, М. Л. Слонимский. Но первым стал К. А. Федин, опубликовавший в 1943–1944 годах книгу «Горький среди нас», где значительная часть повествования посвящена его приходу к серрапионам, знакомству с отдельными членами группы и их окружением, описанию встреч, обсуждений и споров на их заседаниях. Критики, разгромившие книгу сразу после ее выхода, рассуждали не только о неверном представлении К. А. Фединым образа М. Горького, но и об упоминании им чуждых советской идеологии писателей, в том числе и входящих в Серрапионово братство. На долгие годы книга была забыта, и новое издание с некоторыми дополнениями и примечаниями было осуществлено только в 1967 году – через двадцать лет после первой публикации. В советские годы к книге постоянно обращались, но внимание литературоведов было

смещено в сторону личности М. Горького, другие имена в ней оставались за пределами внимания исследователей. Современное прочтение мемуаров К. А. Федина, не окрашенное тенденциозным интересом, может стать бесценным источником знаний о литературной и культурной жизни начала 1920-х годов – такой, какой ее видели сами участники событий.

Обращение к различным типам эго-документов из архива К. А. Федина, выявление характерных для дневников, эпистолярия и мемуаров особенностей отбора и подачи материала помогает составить целостную картину фединского восприятия «Серрапионовых братьев», включающую не только период существования группы и активного участия Федина в ее жизни, но и последующие поздние контакты серрапионов.

Степень разработанности темы исследования.

Взаимоотношения К. А. Федина и членов содружества «Серрапионовы братья» неоднократно становились объектом пристального исследовательского рассмотрения. Феномен возникновения подобного объединения был проанализирован в работах М. В. Минокина, В. П. Муромского, В. В. Перхина и других исследователей. Большинство из них делали акцент на истории развития и трансформации их групповых установок. Личные контакты отдельных участников рассматривались исключительно в контексте деятельности группы.

В начале 2000-х годов возник новый виток интереса к литературному объединению. В изданиях, подготовленных Е. Леммингом, Б. Я. Фрезинским, большое внимание уделялось публикации выявленных архивных материалов. Государственный музей К. А. Федина, хранящий архив писателя, обладает одной из богатейших коллекций документальных материалов по истории содружества. С 2011 года в музее регулярно проводятся международные конференции, посвященные как художественному, литературно-критическому и эпистолярному наследию серрапионов, так и изучению эго-документов писателей как важных личных и исторических свидетельств.

Актуальность представленной диссертации определяется современными тенденциями в исследовании эго-документов, степенью научного интереса к всестороннему комплексному изучению различных явлений литературы и общественной жизни. В представленной работе впервые предпринята попытка всесторонне и пристально рассмотреть проблему авторского сознания К. А. Федина, реализующегося в различных типах эго-источников, в контексте индивидуального восприятия литературной группы «Серрапионовы братья». Для анализа были привлечены ранее не опубликованные материалы из архива писателя, чем определяется ***научная новизна*** предлагаемого исследования.

Целью работы является изучение авторского сознания, реализованного в широком круге эго-документов К. А. Федина 1920–1970-х годов, включающем дневники, письма, маргиналии, инскрипты, рабочие записи писателя. Обращение к различным типам документальных источников позволит более объективно определить место «Серрапионовых братьев» в личной и творческой биографии писателя.

В настоящем исследовании мы не ограничиваемся кратким периодом непосредственного существования содружества «Серапионовы братья» (1921–1929), а значительно расширяем *временной отрезок* изучаемого материала, привлекая документальные источники вплоть до конца 1970-х годов. Это обусловлено тем, что связи между самими участниками группы сохранялись в течение еще многих лет.

Для достижения обозначенной цели в работе решаются следующие *задачи*:

- выявление максимально полного корпуса эго-документов К. А. Федина, связанных с возникновением и существованием литературной группы «Серапионовы братья»;
- анализ отдельных типов источников личного происхождения (дневников, писем и воспоминаний писателя) с точки зрения специфики авторского отбора и представления тематического материала;
- исследование дневников и писем К. А. Федина для определения направленности авторской мысли по отношению к феномену серапионов;
- поиск схожести и различия в дневниковых и эпистолярных описаниях одинаковых явлений, связанных с бытованием литературной группы;
- исследование мемуаров К. А. Федина, определение авторского замысла и изучение истории его преобразования.

Объектом исследования выступают документальные материалы из архива К. А. Федина, связанные с деятельностью литературной группы «Серапионовы братья» и раскрывающие взаимоотношения писателя с отдельными ее участниками.

Предметом исследования стали дневники К. А. Федина 1921–1968-х годов, переписка К. А. Федина с участниками группы (М. Л. Слонимским, М. М. Зощенко, Вс. В. Ивановым, Л. Н. Лунцем, В. А. Кавериним, Н. С. Тихоновым, И. А. Груздевым, Е. Г. Полонской), с писателями, близкими серапионам (М. Горьким, Е. И. Замятиным, О. Д. Форш), а также книга воспоминаний К. А. Федина «Горький среди нас» и рабочие записи к ней.

Методологическая основа исследования базируется на теоретических работах Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана, А. А. Зализняк, Т. М. Колядич, П. В. Палиевского, Н. В. Суржиковой, М. Н. Тихомирова, М. О. Чудаковой. Их исследования, направленные на проблему изучения документальных источников, наиболее полно представляют характерные особенности эго-документов, а также возможности их использования для получения объективных знаний. На практике методологические основы работы с документальными источниками, учитывающие академические стандарты публикации и комментирования архивных материалов, были сформированы под влиянием группы исследователей, руководимых Н. В. Корниенко (ИМЛИ).

Теоретическая значимость работы заключается в представлении комплексного изучения корпуса эго-документов как способа воссоздания целостной картины восприятия писателем явлений культурной жизни России XX века. Исследование специфики отдельных типов лично-маркированных

материалов в совокупности дает наиболее полное представление об авторском отношении к происходящему в личной и общественной жизни.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования полученных результатов для дальнейшего изучения различных аспектов деятельности литературной группы «Серрапионовы братья»: для более объективного представления истории содружества в рамках вузовских курсов истории русской литературы XX века, для комментирования вновь выявленных документальных материалов о литературной жизни России XX века, в разработке научных концепций экспозиционно-выставочной работы литературных музеев.

Положения, выносимые на защиту:

1. В эго-документах К. А. Федина важной темой становится история «Серрапионовых братьев». Сближения и разногласия, совместные заседания, отчуждение серрапионов друг от друга, причины разлада в группе, а потом и ее распада представлены К. А. Феदिным в контексте его размышлений о сломе эпох, начале новых отношений между властью и литераторами, изменении статуса самой литературы.

2. Дневники писателя являются наиболее полным и достоверным источником в реконструировании авторского сознания и творческих связей К. А. Федина с литературным сообществом «Серрапионовы братья». На страницах документа фактов значительно меньше, чем авторских размышлений. С использованием подтекста, несказанного слова, незначительных знаков в дневниках запечатлены различные по эмоциональной окраске ситуации, связанные, в том числе, с серрапионами. Автор намеренно редуцирует собственную значимость, давая широкий диапазон повествования, включающего и философские размышления, и бытовые подробности.

3. Эпистолярный 1920-х годов (в отсутствие дневников этих лет) является единственным свидетельством представления К. А. Федина об активной жизни литературной группы «Серрапионовы братья». Фактологический материал, запечатленный в письмах К. А. Федина М. Л. Слонимскому, Л. Н. Лунцу и Вс. В. Иванову, зафиксированные моменты сближения и разногласия участников в разные периоды, размышления писателя о значении группы в истории литературы, о причинах ее распада и последующих попытках возрождения становятся важным элементом в реконструкции истории содружества молодых писателей.

4. Жанрово-стилевые особенности, тональность, интонирование в письмах К. А. Федина обусловлены степенью близости с отдельными корреспондентами и самоцензурой, не позволяющей, в отличие от дневников, быть предельно откровенным. Авторская интенция воплощается не только в написанных и отправленных письмах, она является сущностной в периоды затухания переписки. В ряде случаев именно обращение к эпистолярным источникам позволяет максимально достоверно восстановить отношение К. А. Федина к отдельным участникам группы «Серрапионовы братья».

5. Анализ дневников и писем К. А. Федина позволяет проследить динамику его отношений к серрапионам: переход от резких, хлестких, порой

язвительных характеристик, которые были даны им своим братьям в молодые годы, к аналитическим литературно-критическим размышлениям о произведениях авторов, за творчеством которых Федин-критик наблюдает много лет.

6. Переписка К. А. Федина с отдельными писателями дает представление о направленности авторского сознания в выборе тем для обсуждения и подачи материала для каждого корреспондента. Наиболее полно эти особенности проявляются в сопоставлении разных типов эго-документов. Различия в рефлексиях К. А. Федина на страницах дневников и писем обусловлены тонким чувствованием человека, к которому он обращается, нежеланием ранить или уязвить корреспондента. Разница в подаче одного и того же факта в письме и дневнике писателя свидетельствует о важности установления и сохранения прочных отношений с каждым отдельным участником группы.

7. Для К. А. Федина-мемуариста характерен авторский подход к отбору и изложению документальных фактов. К. А. Федин не ограничивается простым бытописанием: случившиеся в действительности события, имеющие, по мнению К. А. Федина, ключевое значение, на страницах книги воспоминаний «Горький среди нас» становятся отправными точками для размышления автора о внутренней жизни группы, об идейных установках и творческих соприкосновениях. Именно такая смысловая наполненность повествования позволяет рассматривать воспоминания К. А. Федина в ряду наиболее информативных документов эпохи.

8. Многочисленные редакторские и авторские исправления готовящейся к первой публикации книги К. А. Федина «Горький среди нас» внесли существенные изменения в авторский содержательный и композиционный замысел: подверглись переработке отрывки, связанные с Серапионовым братством и писателями из близкого круга их общения. Возвращение к исходной концепции, которое осуществилось через два десятилетия после первой публикации, было важным для К. А. Федина в деле сохранения памяти о группе «Серапионовы братья».

9. Для К. А. Федина как для мемуариста было важным сохранение уникальности авторского замысла. Себе и другим авторам воспоминаний он давал право выбора тем и способа подачи материала, в том числе и касающегося группы «Серапионовы братья». Предвзятость в изображении кружка молодых писателей, которая долго ставилась в вину автору, безусловно имела право на существование. К. А. Федин представил широкой читательской публике дорогое ему ощущение причастности к высокой идее братского объединения, которое служило нравственным ориентиром всем серапионам до конца жизни.

Апробация основных положений представленного исследования состоялась на Всероссийской научной конференции «Серапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества» (Саратов, Государственный музей К. А. Федина, 2021) и Всероссийской научной конференции «Первая мировая война и революция 1917 года в русской

культуре. К 100-летию романа К. А. Федина «Города и годы»» (Саратов, Государственный музей К. А. Федина, 2024).

По теме диссертации опубликовано 5 статей, в том числе 3 – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация включает в себя введение, четыре главы, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** указывается актуальность темы и аргументируется научная новизна работы, определяются цель и задачи исследования, обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, говорится об апробации научных результатов. В этой части диссертации рассматривается вопрос о степени разработанности темы личных и творческих взаимоотношений между участниками группы «Серапионовы братья», базирующейся на изучении эго-документов.

В первой главе **«Эго-документы как предмет литературоведческого исследования»** анализируется история возникновения термина «эго-документы» и закрепления этого неологизма в современной гуманитарной науке. Попытки западных и отечественных ученых найти альтернативное название для массива разных типов документов личного происхождения свидетельствуют о невозможности унификации подобных материалов.

В работе показано, как понятие «эго-документ» получает свое осмысление в литературоведении. Современное название пришло на смену устоявшемуся термину «источники личного происхождения», который, по утверждению некоторых исследователей, обладал определенными «признаками неполноценности». Использование этих источников в научно-исследовательской работе, как считалось ранее, лишь помогало преодолеть схематизм изложения материала, обогатить научные труды важными приметами времени и характерными деталями. Субъективизм таких документальных свидетельств воспринимался как изъян, не позволяющий подобным материалам претендовать на беспристрастность, а значит, неискаженность изложенных фактов. Введение в научный оборот термина «эго-документы» позволило вывести на новый уровень изучение дневников, писем, воспоминаний и многих других документов пограничных жанров.

В последние годы продолжаются дискуссии об определении критериев, в соответствии с которыми тот или иной текст может быть отнесен к эго-документу. В диссертации отмечено, что важнейшим признаком принадлежности материалов к корпусу эго-документов становятся не формальные признаки внешней оболочки текста, а авторское «Я» как генерирующий центр идей, переживаний и действий. Основная проблема, которую рассматривают современные исследователи литературы, связана не с

персонализацией субъекта – автора, а с определением общих родовых признаков эго-текстов, а также специфических черт отдельных их жанров. Трудность в определении общей жанровой специфики эго-документов связана с невозможностью четкого разграничения разновидностей эго-текстов. Традиционно различают такие основные аутентичные жанры эго-документов, как дневники (записные книжки), письма, мемуары (автобиографии). В этой части работы подробно рассмотрен каждый из них.

В контексте изучения эго-документов дневник – это форма повествования, ведущаяся от первого лица в виде подневных, синхронных событиям текущего момента, записей. В работе отмечено, что нефикциональность дневниковых записей органично сосуществует с представлением о личности автора в том субъективном виде, в каком пишущий являет себя сам. Это представление обусловлено степенью откровенности автора, его готовности вести предельно честный разговор с самим собой. Стоит заметить, что сложившаяся в XIX веке практика чтения дневников узкому кругу друзей и последователей не коррелируется с интимностью дневника. И в этом противостоянии сокровенности и публичности формулируется основная проблема в изучении дневников: действительно ли они являются повествованием о себе и для себя.

Основным жанровым маркером дневника является автор, одновременно выступающий и в роли адресата. В диссертации показано, что кроме непосредственного адресата, которым в дневнике является сам автор, существует еще и косвенный адресат – потенциальный читатель. Многочисленные текстологические исследования демонстрируют, что многие из ведущих дневники впоследствии возвращались к своим записям и редактировали их. Своеобразным указанием на косвенного адресата как раз и являются внесенные позже в текст приписки, комментарии и пояснения, в которых сам автор по определению не нуждается. В работе доказывается, что такие правки не всегда свидетельствуют о намерении автора «улучшить» дневник в глазах будущего читателя. Для писателя подобная практика – необходимая составляющая творческой лаборатории, инструмент для оттачивания формулировок, обдумывания сюжетов и рождения художественных образов.

В диссертации демонстрируются характерные признаки и другого распространенного типа эго-документа – эпистолярия. Главный из них – ярко выраженная субъективность, присущая корреспонденции в сравнении с другими типами эго-источников. Наряду с индивидуальным восприятием событий и личностной оценкой фактов письма отличает стремление, осознанное или неосознанное, быть понятным лишь адресату. Диалогичность эпистолярия выражается, прежде всего, не в особенностях оформления текста, а в его содержательно-композиционном начале, предполагающем особую политематичность, свернутость информации и интертекстуальность. Автор письма учитывает персональные интересы и возможные реакции своего адресата, его осведомленность в определенной сфере, его жизненный опыт и рассчитывает на однозначное понимание как максимальную приближенность восприятия адресатом к авторской интерпретации. Интертекстуальность

корреспонденции также обусловлена степенью подготовленности адресата и его вовлеченности в общий круг культурных ориентиров и установок. «Свернутость информации» является принципиальным отличием эпистолярного текста от дневникового. В дневнике повествование может быть пунктирным, без подробностей, в письме же адресат должен был получить точную и максимально полную информацию, чтобы реконструировать в своем сознании увиденное и прочувствованное автором. Таким образом, эпистолярный становится для исследователей литературы незаменимым источником не только фактической информации о самом человеке, о событиях внешней жизни и внутренних переживаниях, но и свидетельством его отношений с современниками, источником, подтверждающим разную степень близости и доверительности автора в общении с разными адресатами.

В представленной работе также отражены специфические характеристики мемуаров, повествующих от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был. Предметом основной дискуссии в изучении таких источников становится сам автор, степень его наблюдательности и глубина личностной интерпретации описываемого. При анализе фигуры автора учитываются не только биографические сведения, но и разнообразные факторы, повлиявшие на становление его личности. Специфическим признаком мемуаров, по сравнению с другими эго-источниками, является удаленность описания от момента происхождения самого события. Эта ретроспективность становится определяющим критерием в оценке научной познавательности воспоминаний. Разрабатывая вопрос о самосознании мемуариста, многие исследователи отмечают разницу в авторском видении событий в период их свершения (и отражения их в дневниках) и в момент написания мемуаров. Кроме функциональных особенностей памяти человека, на эти различия влияют идейные установки автора, который имеет совершенно сознательное намерение показать читателю людей и их поступки в определенном ключе. Некоторые исследователи считают воспоминания источником, связующим разные типы документов личного характера: добываясь большей достоверности, мемуаристы использовали свои дневниковые заметки, эпистолярный, публицистические, делопроизводственные документы, оставшиеся в личных архивах авторов. В этой главе уделено внимание основной тенденции в изучении мемуарных произведений писателей: смещение центра внимания исследователя от простой фактографичности в сторону художественного осмысления. Такой подход ярче всего выявляет диалектику воспоминаний, сочетающую свободу выражения художественной манеры автора с несвободой исторической действительности.

В диссертации отражено отношение К. А. Федина к эго-документам других авторов. На страницах дневниковых записей писателя упоминаются изданные дневники натуралиста Ч. Дарвина, режиссера А. Антуана, Стендаля, Р. Роллана, русских писателей XIX–XX веков: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, А. А. Блока, М. С. Шагинян, М. М. Пришвина, В. В. Вишневского и др., а также письма Л. Н. Толстого, М. О. Гершензона, И. А. Бунина, М. Горького, А. А. Фадеева. По записям и

откликам, сделанным под воздействием от прочтения этих материалов, можно судить о том, как погружение в интимный мир другого человека отзывалось в душе К. А. Федина и какое влияние оказало на него. В работе отмечено, что К. А. Федин, как и профессиональные исследователи литературы, обращает внимание на ключевые особенности эго-документов: степень искренности автора, фактографическую достоверность, презентацию внутреннего «Я» писателей. Особенно пристальное внимание он уделяет дневникам Стендаля, Л. Н. Толстого, В. Ф. Одоевского, А. А. Блока, находя там отражение своего собственного состояния. Размышляя над дневниками предшественников, отмечая их отличительные черты, К. А. Федин конкретизирует отношение к ведению своего дневника.

Во второй главе «**“Серапионовы братья” в дневниках К. А. Федина**» анализируются особенности отражения в личных записях авторского сознания в отношении содружества молодых писателей.

К. А. Федин вел дневники на протяжении практически всей жизни – с 1913 по 1968 годы, неоднократно прерывая записи и возобновляя их снова. Записи дошли до нас не в полном объеме, так как частично они были уничтожены автором. К. А. Федин постоянно размышлял о значении дневников и необходимости их ведения писателем. В работе отмечено, что такие частые рассуждения свидетельствуют о том, что К. А. Федин остро осознавал проблему необходимости выражения авторского сознания в нелитературных текстах.

Дневниковые записи времен активной жизни литературного сообщества «Серапионовы братья» в цельности до нас не дошли. На отдельных страницах, написанных в 1920–1921 годах, с записями о знакомстве и общении с М. Горьким уцелели фрагменты, свидетельствующие о начале знакомства К. А. Федина с серапионами. Эти материалы дают возможность восполнения фактографических лагун в истории содружества, таких как время вступления К. А. Федина в ряды серапионов, первая устная оценка М. Горьким начинающих писателей, предложение частного издательства «Алконост» выпустить альманах Серапионовых братьев.

В диссертации доказывается, что в дневниках К. А. Федина ранних лет преобладают записи, свидетельствующие о группе как объединении, без акцентирования внимания на отдельных участниках. В дневниковой тетради, охватывающей период с 1928 по 1935 годы, К. А. Федин упоминает период до 1925 года как «эпоху сплоченной» работы серапионов». Одновременно он демонстрирует дистанцированность от группы, подчеркивая свое осознание индивидуального, отличного от других участников пути в литературе.

Отмечено, что важной для К. А. Федина темой становится сама история Братства. Сближения и разногласия, воспоминания о прекрасных совместных заседаниях и посиделках и отчуждение серапионов друг от друга – все это становится импульсом для размышлений о причинах разлада в группе, а потом и ее распада в 1924 году после смерти Л. Н. Лунца. Одним из ярких примеров, иллюстрирующих такой вывод, становится подробно зафиксированная К. А. Фединым попытка возрождения серапионов на базе Издательства

писателей в Ленинграде в 1929 году. То, что для автора это обстоятельство было не просто важным, а «вдохновляющим», становится очевидным по частоте возникающих на страницах дневника рефлексий. Подмечено, что К. А. Федин воспроизводит в дневнике большой фрагмент письма М. Л. Слонимского о работе издательства, подчеркивая, таким образом, насколько точно эти слова отражают и его собственные убеждения в необходимости сохранения традиций Серапионовского братства. Тема воскрешения содружества усиливается в записях конца 1929 года, но после ликвидации Издательства писателей в Ленинграде в 1934 году окончательно гаснет. На первый план в повествовании выходят отдельные участники, включенные в контекст происходящих исторических событий.

В описании ситуации, сложившейся в Ленинградском отделении Всероссийского союза писателей в конце 1929–1930 годов и «чистки» в рядах его членов, большое внимание уделено серапиону М. Л. Слонимскому, выбранному председателем нового правления. Со снисходительной иронией и насмешкой К. А. Федин описывает оказавшегося в неоднозначной ситуации М. Л. Слонимского, подробно передает содержание их разговоров и обстоятельства встреч. Сообщенные К. А. Федем перипетии не только детализируют портрет одного из серапионов, но в броской художественно отделанной форме сообщают взгляды писателя на происходящий болезненный процесс перестройки литературных организаций.

В дневниках К. А. Федеина находятся оценки и других писателей-серапионов. В диссертации приводятся не публиковавшиеся полностью записи К. А. Федеина 1943 года, кратко представляющие историю с выходом в печати повести М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» и последовавшей за этим травли писателя. Они не содержат прямых рассуждений о книге М. М. Зощенко. Однако тон записей, пусть кратких, но частых, делает возможным понять, что К. А. Федин по-прежнему относился к М. М. Зощенко с большой симпатией.

Диссертация дает представление о том, как с течением времени трансформировалось отношение К. А. Федеина к группе «Серапионовы братья». Примером тому являются записанные им впечатления о книге О. Д. Форш «Сумасшедший корабль» с рассказом о годах, когда в Доме искусств зарождались серапионы. Прежде чем книга была напечатана отдельным изданием в 1931 году, фрагменты читались автором на различных встречах и вечерах в кругу общих знакомых. К. А. Федин фиксирует разговор с О. Д. Форш и свое стремление переубедить автора, акцентируя ее внимание на необходимости дифференциации участников группы. В дневнике К. А. Федеина свидетельствует, что О. Д. Форш прислушалась к его словам. Действительно, в окончательной печатной редакции фрагмент, связанный с серапионами, явно имеет отголоски этой беседы.

В отличие от ранних записей в дневниках К. А. Федеина 1946–1968 годов «серапионовская» тема занимает крайне скромное положение. Редкие упоминания годовщин Серапионова братства сменяются небольшими рефлексиями уже состоявшегося прозаика о проблемах творчества, волновавших всех Братьев на заре их писательской юности. С течением

времени «общие» упоминания о серапионах на страницах дневников К. А. Федина возникают преимущественно на периферии основных размышлений и наблюдений. На первый план в дневниках рассматриваемого периода выходят отдельные писатели, объединенные общим «братским» прошлым: Н. С. Тихонов, И. А. Груздев, Н. Н. Никитин, М. М. Зощенко, Вс. В. Иванов, В. А. Каверин, М. Л. Слонимский, Е. Г. Полонская.

Интерес к литературным успехам братьев, способность не только критиковать, но и радоваться творческим удачам друг друга всегда отличали участников группы. В отличие от резких и хлестких характеристик, которые К. А. Федин давал своим братьям в молодости, в поздних дневниках он спокойно и вдумчиво анализирует творчество авторов, за которыми наблюдает многие годы: Вс. В. Иванова, М. М. Зощенко, В. А. Каверина, М. Л. Слонимского, Н. С. Тихонова. В работе акцентируется внимание на том, что именно такое «литературное» общение лежало в основе той тесной связи между серапионами, которую практически каждый из них пронес через всю жизнь. Их братская дружба носила совершенно особый характер, отличный от обычной привязанности и симпатии.

Анализ всего корпуса дневников, в том числе и тех фрагментов, которые имеют отношение к литературному сообществу «Серапионовы братья», позволяет сделать вывод, что именно рефлексии писателя, его рассуждения о литературе в целом и об отдельных писателях, его оценки литературного процесса дают возможность через авторское сознание более полно увидеть картину культурной жизни нашей страны 1920–1968 годов.

В третьей главе **«Участники группы “Серапионовы братья” в эпистолярном наследии К.А. Федина»** анализируется переписка К. А. Федина со всеми членами содружества.

Эпистолярные традиции были очень сильны среди серапионов. Известно, что они активно переписывались с момента образования группы и друг с другом, и с уехавшим затем на лечение Л. Н. Лунцем, а также с писателями, оказывавшими на серапионов наибольшее влияние, такими как М. Горький, Е. И. Замятин, А. М. Ремизов и др. Эпистолярный 1920-х годов (в отсутствие дневников этих лет) является единственным свидетельством активной жизни литературной группы. Этот период наиболее полно представлен письмами К. А. Федина, адресованными М. Л. Слонимскому, Л. Н. Лунцу и Вс. В. Иванову. В работе показано, что для каждого корреспондента К. А. Федин выбирает свой стиль изложения и темы для сообщений.

Переписка с Л. Н. Лунцем начинается с июня 1923 года, с момента его отъезда на лечение за границу. Несмотря на разность их позиций в направленности развития литературы – одного из главных дискуссионных вопросов между «западным» и «восточным» крылом Серапионовых братьев, Л. Н. Лунц стал первым из серапионов, кому К. А. Федин доверил свои переживания о трудностях творческого характера: невозможности целиком отдаваться любимому делу и постоянной зависимости творческого процесса от внешних обстоятельств. Письма К. А. Федина Л. Н. Лунцу развернуты, информативно насыщены, ироничны. К. А. Федин сообщает обо всех значимых

событиях в жизни серапионов: о поездках В. А. Каверина и Вс. В. Иванова, новых произведениях Н. С. Тихонова и И. А. Груздева, о «серапионовских средах». В юмористическом ключе он подает важную информацию о назревающем конфликте серапионов с Н. Н. Никитиным. Переписка К. А. Федина с Л. Н. Лунцем оборвалась 8 мая 1924 года, когда Лунца не стало, но имя «Брата-Скомороха» еще многократно будет появляться на страницах серапионовских эпистоляриев.

Совершенно иной тон у писем К. А. Федина, адресованных Вс. В. Иванову. Большую часть прожитой жизни писатели провели рядом, в 1921–1923 годах в Ленинграде, с 1937 года соседствовали и по московским квартирам, и по дачам в Переделкине, поэтому необходимость в эпистолярном общении практически не возникала. Самое раннее письмо, написанное К. А. Федем Вс. В. Иванову, датируется 30 ноября 1925 года. К этому моменту Вс. В. Иванов переехал в Москву и практически не принимал участие в серапионовских встречах. Невзирая на негативное отношение других членов группы к Вс. В. Иванову, К. А. Федин с искренним дружеским интересом осведомляется о жизненных обстоятельствах Собрата, рассказывает об обстановке в Ленинграде, а также делится своими планами.

Письма К. А. Федина М. Л. Слонимскому 1920-х годов носят, прежде всего, деловой характер. В них тезисно, без лирических отступлений, дается информация о бытовых, денежных вопросах, возможности публикации серапионов в журнале «Петербург», о задержке издания альманаха «Серапионовы братья», о попытке собрать материал для отдельного сборника произведений Л. Н. Лунца и воспоминаний о нем. Отдельное внимание обращено на рассуждения К. А. Федина в ответ на сообщение М. Л. Слонимского об определении жанра его нового произведения: роман или повесть? М. Л. Слонимский – единственный из серапионов, с кем К. А. Федин поднимал вопрос о необходимости написания большого произведения для литературного багажа писателя. Эпистолярное общение с М. Л. Слонимским было самым активным из всех серапионов. Близость их литературных биографий переросла в большую человеческую дружбу, продолжавшуюся более полувека, невзирая на все препятствия и разногласия.

В диссертации показано, что обращение к эпистолярию 1930–1960-х годов (времени активного ведения К. А. Федем дневника) дает возможность сравнения авторской устремленности в разных по жанровым особенностям эго-документах. Одним из ярких примеров становится отношение К. А. Федина к книге Н. Н. Никитина «Шпион». В дневниковой записи К. А. Федин дает резко негативную оценку произведения, а в письме Н. Н. Никитину нивелирует снижение литературного качества этой книги интересом к новой, только задуманной, и свидетельствует о прежнем желании видеть Н. Н. Никитина в ряду близких и дорогих ему участников группы.

В ином ключе показана история с публикацией романа М. Л. Слонимского «Инженеры» в 1949 году в журнале «Новый мир». В дневнике К. А. Федин упоминает о неоправданно щедрой похвале, сказанной им в адрес этого произведения. Но одновременно с этим в письме в редакцию

журнала говорит о «большом шаге вперед М. Слонимского», о многих объективных достоинствах романа. В работе доказывается, что различия в рефлексиях Федина на страницах дневников и писем обусловлены не привычкой К. А. Федина менять свое мнение в угоду складывающимся обстоятельствам, а тонким чувствованием человека, к которому он обращается, нежеланием ранить или уязвить корреспондента. Разница в подаче одного и того же факта в письме и дневнике писателя свидетельствует о важности установления и сохранения прочных отношений с каждым отдельным участником группы.

В диссертации анализируются корреспонденции 1940–1960-х годов. Становится очевидным, что в этот период надобность в эпистолярном общении между серапионами стала гораздо существенней, но все же этому сопутствовали долгие паузы в переписке. Исследуемые эго-документы свидетельствуют о том, что одной из главных причин «молчания» К. А. Федина становится состояние внутреннего кризиса, обусловленное невозможностью, в силу разных обстоятельств, сосредоточиться на любимом литературном деле. Тема постоянной отвлеченности от непосредственного писательского труда часто возникает на страницах как дневников, так и писем К. А. Федина к разным корреспондентам. Жанрово-стилевые особенности подачи одной и той же информации, интонирование обусловлены взаимоотношениями с отдельными корреспондентами, кругом тем, возможных для обсуждения с конкретным адресатом. Приведенные в диссертации фрагменты из архивных документов доказывают, что эпистолярные тексты писателя имеют свою специфику, обусловленную и степенью близости с корреспондентом, и некоторой самоцензурой, не позволяющей, в отличие от дневников, быть предельно откровенным. Тем не менее, эпистолярное общение было неотъемлемой частью жизни К. А. Федина и его связи с серапионами.

В работе показано, что интонация живого разговора, доверительной беседы характеризует большую часть писем, адресованных К. А. Федем членам Серапионова братства. Исключение составляет переписка с В. С. Познером, рано уехавшим вместе с родителями за границу. Их личное знакомство было чрезвычайно кратким, поэтому прошло несколько десятилетий эпистолярного общения, прежде чем их отношения стали если не дружескими, то приятельскими. В этой сугубо деловой переписке выделяется упоминание о точке пересечения их биографий: Серапионовом братстве и об очередной попытке его возрождения.

В диссертации демонстрируются некоторые факты, изложенные на страницах писем К. А. Федина, которые развенчивают устоявшиеся представления о содружестве серапионов. Например, о появлении названия «Серапионовы братья». Многие мемуаристы (М. Л. Слонимский, Н. К. Чуковский, Е. Г. Полонская) говорят о случайности такого выбора, связывая его только с тем, что одноименная книга Э. Т. А. Гофмана лежала на столе в комнате М. Л. Слонимского в Доме искусств, где проходило первое собрание молодых писателей. Однако в архиве К. А. Федина выявлен комментарий, в котором идет речь о выборе названия группы по аналогии с

«серапионами» 30-х годов XIX века – молодыми петербургскими литераторами, почитателями Э. Т. А. Гофмана, устраивавшими литературные вечера, на которых они читали друг другу свои сочинения.

Еще одно устоявшееся суждение связано с восприятием статьи Л. Н. Лунца «Почему мы Серапионовы братья» как манифеста группы – публичного объявления собственных принципов, намерений, программ. Считываемая многими современниками «программность» статьи Л. Н. Лунца породила миф о нарочитой аполитичности группы. В главе приведены примеры свидетельств отношения участников к так называемому «манифесту».

В работе акцентируется внимание на том, что в ряде случаев именно обращение к эпистолярным источникам позволяет максимально достоверно восстановить отношение К. А. Федина к отдельным участникам группы «Серапионовы братья». Так, важные свидетельства истории напряженных отношений между К. А. Фединым и В. А. Кавериним не отражены в дневниках и отправленных письмах. Авторское сознание получает свое сущностное воплощение в черновых набросках к только задуманной корреспонденции – так и не написанном ответе на открытое письмо В. А. Каверина. В архиве К. А. Федина сохранился экземпляр этого письма, весь испещренный пометами Константина Александровича, сделанными в характерной для него манере синим карандашом: с разнообразными подчеркиваниями, восклицательными знаками. Ключевые тезисы письма были разделены К. А. Фединим на пять пунктов, которые, очевидно, должны были лечь в основу ответного послания. Анализ черновики, сохранившихся в архиве писателя, позволяет утверждать, что у К. А. Федина было очень сильное негативное впечатление от прочитанного. В письмах К. А. Федина даже самым близким друзьям из серапионов не встречается обсуждения поступка В. А. Каверина. В диссертации подчеркивается, что именно обращение к эпистолярным источникам позволило максимально достоверно восстановить отношение К. А. Федина к этому окончательному разрыву когда-то единых серапионов.

Четвертая глава **«Книга К. А. Федина “Горький среди нас” в контексте источниковедения»** посвящена изучению авторского сознания Федина-мемуариста.

Книга К. А. Федина «Горький среди нас» стала первой книгой воспоминаний, на страницах которых возникает образ группы «Серапионовы братья». Ретроспективный рассказ, созданный самим участником этого литературного объединения, дает читателю возможность увидеть объемную и многогранную картину литературной жизни 1920-х годов. Смысловым центром мемуарного повествования стал М. Горький, но в тексте большое внимание уделено как серапионам в целом, так и портретам отдельных членов группы. В данной главе внимание сосредоточено на особенностях авторского представления содружества «Серапионовы братья», характерных для мемуарной литературы, проанализированы некоторые изменения, которые вносились К. А. Фединим в текст рукописи, проведен сравнительный анализ избранных фрагментов книги «Горький среди нас» с воспоминаниями других участников группы.

Первое полное издание К. А. Федин предварил небольшой вступительной статьей, объясняющей замысел книги, ее структуру, авторские методы работы над материалом. Не называя напрямую свое произведение воспоминаниями, тем не менее, он выделяет основные его особенности, характерные для мемуарной литературы: автобиографичность, тематический отбор материала, достоверность пережитого и специальную «сюжетную» организованность текста. К. А. Федин выделил три главные линии в своем повествовании. Первая – объединяющая фигура Горького и его авторитетность; вторая – молодежь, которая одновременно была плодом и разносторонних внешних воздействий, и внутренних влияний друг на друга путем литературных ошибок и достижений; третья – это писатели дореволюционной школы, которые уже отходили в прошлое, но все еще были вовлечены в литературную жизнь современного Петрограда. Эти три линии стали основными векторами в последующем развитии критической оценки книги. Одним из обвинений, выдвинутых в дальнейшем критиками, стало преувеличение К. А. Фединым роли группы «Серрапионовы братья» в истории советской литературы.

В работе показаны этапы создания и публикации книги «Горький среди нас», что важно для реконструкции авторского сознания. Замысел будущих воспоминаний К. А. Федин обсуждал со многими членами Братства, отмечая важность сохранения памяти о многих исторических реалиях, свидетелями которых они стали. Первоначальный план претерпел существенные изменения не только в структуре. Изменив исходное название книги «Горький в моей жизни» на более широкое и емкое «Горький среди нас», К. А. Федин нашел возможность рассказать о существенных для него явлениях литературной жизни 1920-х годов, в том числе, о содружестве «Серрапионовы братья», нивелируя их негативное общественное восприятие фактом приближенности к М. Горькому, прикрывая непререкаемым авторитетом его имени. Но это не уберегло книгу от яростных нападок критики.

Первая часть книги «Горький среди нас» вышла в 1941 году в журнале «Новый мир», отдельным изданием – в 1943 году. Текст, по словам автора, был сильно исковеркан цензурными правками многочисленных редакторов. Публикация второй части книги в журнальном варианте была запрещена, она сразу вышла отдельным изданием в 1944 году.

Оценка в критике первой и второй частей книги К. А. Фебина была неодинаковой. Первая часть была принята очень хорошо. Противоположное восприятие критикой второй части своей книги К. А. Федин предчувствовал, и записи в дневнике дают нам представление о его переживаниях. Сразу же после выхода второй части Ю. Лукин в статье «Ложная мораль и искаженная перспектива», опубликованной в газете «Правда» 24 июля 1944 года, упрекал К. А. Фебина в заведомо искаженном изображении литературной жизни двадцатых годов, в некритическом отношении к представителям «отживших, откровенно реакционных тенденций в литературе», в неоправданном превознесении группы серрапионов. Эта статья, заголовок которой сам К. А. Федин назвал «сокрушительным», задавала направление всей дальнейшей критике произведения.

В первой части книги К. А. Федина можно выделить несколько основных сюжетов, связанных с серапионами. В диссертации проанализированы некоторые из них, что дает возможность определить, каким образом в воспоминаниях К. А. Федина реализуются основные качества мемуарной литературы, как автор находит баланс между фактологической достоверностью и художественным описанием. Отбор автором воспоминаний определенных событий из насыщенной жизни Серапионова братства говорит о том, какие именно моменты в презентации содружества К. А. Федина считал ключевыми. Это общая характеристика группы с размышлениями о внутренних побудительных мотивах, объединивших молодых писателей; портреты самых выразительных участников – Л. Н. Лунца и Вс. В. Иванова, а также рассказ о писателях (кроме М. Горького), повлиявших на становление серапионов. Без этих «картин из литературной жизни», по мнению автора, невозможно было создать цельную картину литературного Петрограда 1920–1921 годов.

Кроме того, для более целостного исследования направленности авторского сознания К. А. Федина, в работе был проведен текстологический анализ: сравнение текста первого опубликованного варианта и первого полного издания книги. Выявлены примеры, иллюстрирующие вынужденное искажение авторского замысла как в композиционном, так и в содержательном плане. Например, из раннего текста был изъят большой фрагмент, посвященный В. Б. Шкловскому и Е. И. Замятину. В том значении, какое придавал им автор, редакторы увидели опасные тенденции, и их имена остались только в перечислительном ряду писателей. Отметим, что на момент публикации воспоминаний К. А. Федина в 1943 году это была первая попытка вернуть имя Е. И. Замятина – одного из учителей серапионов – в историю русской литературы.

Одним из ярких образов Серапионовых братьев на страницах первой части книги К. А. Федина «Горький среди нас» стал портрет Л. Н. Лунца. Об этом юном участнике группы тепло отзывались все серапионы, большинство из них посвятили ему страницы своих воспоминаний. Каждый из авторов выделял в образе Л. Н. Лунца определяющие для себя черты его характера, стороны его деятельности. Все мемуаристы останавливались на знаменитых «сеансах немого кинематографа», где Лев Лунц был главным импровизатором и режиссером. Наряду с восторженным восприятием сатирического таланта Л. Н. Лунца, в книге «Горький среди нас» К. А. Федина затронул и более серьезную и волнующую его тему: преувеличенное значение Л. Н. Лунца как идеолога и теоретика группы «Серапионовы братья». В дневниках и письмах К. А. Федина мы находили поздние свидетельства его размышлений по этому поводу. Но впервые эта проблема была четко обозначена им в книге воспоминаний.

Во второй части книги «Горький среди нас» единичным, но значительным вторжением в авторский замысел стало изъятие текста, посвященного М. М. Зощенко. В ноябре 1943 года началась травля писателя. Поместив первоначально очерк о М. М. Зощенко во вторую часть книги «Горький среди нас», К. А. Федина хотел еще раз выступить в защиту

М. М. Зощенко, показать всю многогранность его таланта, определить его место в современном литературном процессе. В 1944 году попытка не увенчалась успехом, однако в 1957 году К. А. Федин все-таки опубликовал этот очерк о М. М. Зощенко, включив его в сборник «Писатель. Искусство. Время».

В данной главе работы доказывается, что для К. А. Фебина-мемуариста совершенно не характерно простое описание или пересказывание каких-либо событий, разговоров, явлений «для полноты картины» изображаемого, «для создания атмосферы». Каждый такой факт он стремится проанализировать и вывести на уровень, включающий творческое «Я» объекта своего внимания в течение всего литературного процесса. Ярким примером, иллюстрирующим данное утверждение, выступает сравнение реализации одного занимательного явления в жизни серапионов, связанного с именем М. М. Зощенко, в мемуарах разных участников группы.

Для К. А. Фебина как для мемуариста было важным сохранение уникальности авторского замысла. Себе и другим авторам воспоминаний он давал право выбора тем и способа подачи материала, в том числе и касающегося группы «Серапионовы братья». Предвзятость в изображении кружка молодых писателей, которая долго ставилась в вину автору, брала свое начало в искренней любви к литературе, к писательству. Именно с таким заинтересованным и бережным отношением К. А. Федин представил широкой читательской публике не просто важную страницу своей биографии, не просто яркое явление в литературной жизни страны и отдельные портреты выдающихся писателей разных поколений, но дорогое сердцу ощущение причастности к высокой идее братского объединения, которое служило нравственным ориентиром всем серапионам до конца жизни.

В **Заключении** подводятся итоги работы и обозначаются перспективы исследования. Важным представляется продолжение выявления, комментирования и подготовки к публикации переписки К. А. Фебина с остальными участниками Серапионова братства: И. А. Груздевым, В. А. Кавериним, Н. Н. Никитиним, Е. Г. Полонской и Н. С. Тихоновим. Изучение полного корпуса двусторонней переписки, содержащей живые непосредственные реакции на события общественно-политической и культурной жизни России времен как активной деятельности серапионов, так и последовавших за окончательным распадом группы, даст возможность приблизиться к воссозданию объективной картины литературной жизни России XX века. Для наиболее широкого охвата различных типов личных источников также требуется дальнейшее выявление и изучение инскриптов, адресованных различным участникам литературной группы «Серапионовы братья», и маргиналий на книгах из библиотеки К. А. Фебина.

Кроме того, перспективным представляется и расширение круга изучаемых корреспондентов К. А. Фебина, не принимавших непосредственного участия в деятельности группы «Серапионовы братья». Изучение переписки К. А. Фебина с родственниками и близкими друзьями, издательскими работниками, сотрудниками литературных организаций разного уровня, учеными, читателями позволят в полноте выявить реминисценции К. А. Фебина,

связанные с серапионами. Изучение эго-документов К. А. Федина, имеющих отношение к «Серапионовым братьям», может стать составной частью более масштабного исследования, связанного с осмыслением феномена Серапионова братства каждым отдельным участником и включением отдельных авторских интенций в контекст коллективного осознания этого ярчайшего явления в культурной жизни России.

Основные положения исследования изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Григорьева, М. В. Е. Г. Полонская и К. А. Федин : к истории взаимоотношений / М. В. Григорьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22. – Вып. 3. – С. 313–319 (0,5 п. л.).

2. Григорьева, М. В. Серапионы на страницах дневников К. А. Федина 1946 – 1968 гг. / М. В. Григорьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23. – Вып. 4. – С. 400–407 (0,56 п. л.).

3. Григорьева, М. В. Литературная группа «Серапионовы братья» в осмыслении К. А. Федина / М. В. Григорьева // Культура и текст. – 2024. – № 3 (58). – С. 77–91 (0,88 п. л.).

Статьи в прочих изданиях:

4. Григорьева, М. В. Этика и цензура : что скрывается за купюрами в опубликованных дневниках К. А. Федина конца 1945 – начала 1946 года / М. В. Григорьева // Серапионовы братья: взгляд из XXI века. К 100-летию литературного содружества : коллективная монография / отв. ред. И. Э. Кабанова, И. В. Ткачева. – Саратов : Наука, 2021. – С. 151–157 (0,46 п. л.).

5. Григорьева, М. В. Роман К. А. Федина «Города и годы» в оценке Серапионовых братьев / М. В. Григорьева // Первая мировая война и революция 1917 года в русской культуре. К 100-летию романа К. А. Федина «Города и годы» (Фединские чтения. Вып. 8) : коллективная монография / отв. ред. и сост. И. Э. Кабанова. – Саратов : Наука, 2024. – С. 51–58 (0,53 п. л.).

Подписано в печать 14.02.2025 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ

Типография СГУ
г. Саратов, ул. Б. Казачья 112а
тел.: (845-2) 27-33-85